

руковод-
ствования
интерес
хитроу-
на Митва
догода на
ри на не-
ния про-
темы 1978
Но, раз-
но, время
то, когда
находясь
есть это
не эффек-
ва и каче-
ств и со-
обратит
уже реше-
(1978 г.)

всегда до-
полняется
различные
на перво-
м. По ко-
мандить
своим
жизнью
ей терю,
фурорную
рах тысяч
и. Чтобы
различно-
ные сис-
ководств
ином со-
-

ий прозу
отно. Ро-
— комму-
навом кол-
ларата по
из америк
арком и
и провели
значитель-

известие
из себя
а на ма-
кова рас-
становле-
но и дей-
ствитель-
но расску-
раемые ре-
и комму-
и управ-
испытате-
ствил на-
— П. Ва-
лек. В. Ла-
трийская,
суждений
и, распе-
вдрев, бу-
еиных в
Заслужив-

ИСТОРИЧЕСКИЕ **Сенсации**

официальный орган партийный
комитет вновь заснушал того

и коммунистический министерства.
Большое внимание уделяет-
ся двояко сатор анализе в
отделах и управлений. Их

Олег ГРЕЙГЪ

ОТ НКВД ДО АНЕНЭРБЕ ИЛИ МАГИЯ ПЕЧАТЕЙ ЗВЕЗДЫ И СВАСТИКИ

суждениях на двух собраниях
коммунистов, но довольно по-
варности. И, что особенно

печности? Теперь, на заседа-
нии парткома, его члены сооб-
ща думают об этом. Делови-

стменности
важная.
Соуду
и его в
ских учре-
ждениях
по про-
заседания
редного
в резуль-
тат. Одна
справлен-
пущие, та-
ки, и так
ку, значи-
стия ре-
из старой
жизни в
сказав от
отмечу на-
жет был
есть пол-
запретан-
на?

В резуль-
татах, ко-
му прина-
жит от со-
вы. Но в
марта ре-
на пошла,
оказавше-
Коммуни-
делали, с
подвизки

Выступ-
ном споре
пер управ-
на кидает
рны, «то
должны
вращают
ство, сри-
ки. Напа-
си в при-
считают
димо, по-
тикой и
смысл о

Идет в
Цельном
ретарь
Р. Вала-
жить пере-
боги на
печатно-
ход в са-
присам.

«Каждо-
ского ан-
видеть с
решения
заботеав-
ных на
ЦК КК
Плекиса,
идем от
главнее
партизан-

Ольга Ивановна Грейгъ
От НКВД до Аненэрбе,
или Магия печатей
Звезды и Свастики
Серия «Исторические сенсации»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6372991

*От НКВД до Аненэрбе: магия печатей Звезды и Свастики. / Грейгъ О.:
Алгоритм; Москва; 2010
ISBN 978-5-6994-2178-7*

Аннотация

Новая книга о мистических секретах Третьего рейха и сталинской России от автора бестселлеров «Тайная доктрина Третьего Рейха» и «Тайна за 107 печатями» посвящена работе Спецотдела НКВД и гитлеровского «Аненэрбе» – секретных структур двух самых могучих держав XX века, вступивших в 1941 году в жесточайшую схватку. Многие сенсации, о которых идёт речь, балансируют на грани мистики. Многие проекты и открытия, которые стали достоянием общественности, по-прежнему тщательно замалчиваются властями и СМИ. Автор вытаскивает на свет факты, которые тщательно скрывались; и сейчас он готов через увлекательное повествование представить

своим читателям новое исследование, приводящее любого в состояние постоянного удивления от всего, что происходило за семью магическими печатями Звезды и Свастики. А происходил там синтез самой передовой науки и тайных знаний, доставшихся избранным с древнейших времён; синтез, в котором ясновидцы, маги и оккультисты сотрудничали с властями, синтез, позволивший «чудовищным режимам» достичь в некоторых областях человеческой деятельности таких успехов, которые не снились и сегодняшним «передовым странам».

Содержание

ОТ АВТОРА	5
Глава 1	8
Глава 2	25
Глава 3	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Олег Грейгъ

От НКВД до Аненэрбе: магия печатей Звезды и Свастики

ОТ АВТОРА

Эта книга посвящена секретным сторонам Спецотдела и «Аненэрбе» – секретных структур двух самых могучих держав XX века, вступивших в 1941 году в жесточайшую схватку. Сенсации, о которых пойдет речь, будут балансировать на грани фантастики и, возможно, мистики. Многие проекты и открытия, которые станут достоянием общественности, по-прежнему будут тщательно замалчиваться властями и СМИ.

Автор, разрушающий стереотипы, углубляющийся в интриги советской эпохи, вытаскивающий на свет факты, которые всегда тщательно скрывались, и сейчас готов через увлекательное повествование представить своим читателям новое, основанное на фактах исследование, могущее любого привести в состояние перманентного удивления от всего, что происходило за семью магическими печатями *Звезды и Свастики*. А происходил там синтез самой передовой науки и

тайных знаний, доставшихся *избранным* с древнейших времен; синтез, в котором ясновидцы, маги и оккультисты сотрудничали с властями, а физики и расологи создавали закрытые институты и спецлаборатории; синтез, позволивший чудовищным режимам достичь в отдельных областях человеческой деятельности таких успехов, которые не снились и сегодняшним «передовым» странам.

Это говорит о том, что мы, несмотря на множество разнообразных письменных трудов, не имеем ни малейшего представления о подлинной истории времени, когда во главе двух судьбоносных держав оказались уникальные правители, близкие по широте мировоззрений и глобальному мышлению.

Как ни странно, но именно колоссальные наработки, созданные в недрах самых закрытых организаций Страны Советов и нацистской Германии, оказали влияние на развитие нынешнего мира. Ведь оставались те, кто пожинал плоды передовых разработок «Аненэрбе» – самой закрытой и самой передовой организации бестиального нацизма. Остаются и те, кто мог воспользоваться распадом СССР и получить «в наследство» все таинственные наработки, заложенные еще в Спецотделе – в самой закрытой и самой передовой структуре бесовского большевизма.

Все эти достижения делают их обладателей самыми могущественными на планете.

К счастью, у всякого могущества есть предел.

Или нет?..

Глава 1

Глеб бокий: в ворохе истины и ПсевДофактов

*...Но слабый человек, без долгих размышлений,
Берет готовыми итоги чуждых мнений, А мнениям
своим нет места прорасти – Как паутиною все
затканы пути Простых, не ломаных, здоровых
заклучений, И над умом его – что день, то гуще
тьма Созданий мощного, не своего ума...
Константин Случевский¹, ***, 1898 г.*

Нет ничего привлекательнее прикосновения к тайне; но еще большей притягательностью обладает тайна, упрятанная внутри самой тайны. Обнаружить тайну – удел обладающих талантливой настойчивостью и пытливостью; осознать наличие тайны внутри тайны – удел *избранных*, а еще – случайных счастливичков (или все же *не* счастливичков?!).

Чтобы проникнуть в тайну создания Спецотдела, нужно перейти к сухим фактам и, возможно, домыслам, которые

¹ Случевский Константин Константинович (1837–1904) – выпускник кадетского корпуса, редактор «Правительственного вестника», служил в Министерстве внутренних дел, член Ученого комитета Министерства народного просвещения Российской империи. Его именем назван мыс в Карском море на острове, закартографированном молодым А.В. Колчаком, будущим Верховным правителем России.

крутятся вокруг имени его создателя, Глеба Ивановича Бокия. Не хотелось бы повторять за отдельными историками факты биографии этого человека, но придется, ведь иначе нам будет трудно понять подоплеку тех давних событий, к которым приложил руку гениальный дьявол Бокий. Впрочем, дьяволы глупыми не бывают, ведь правда? И, может, вовсе не зря свидетели утверждали, что Глеб Бокий, наводящий ужас на своих подчиненных, питался мясом собак и пил кровь людей?!

Самыми любопытными в биографии Бокия видятся расхождения в его данных, представленных различными источниками. Вот в этом ворохе истины и псевдофактов мы и поищем рациональные зерна, открывающие нам глубины эпохи жестокосердия и борьбы.

Руководитель Спецотдела при ОГПУ Глеб Иванович Бокий родился 3 июля 1879 года в городе Тифлисе (Тбилиси) в семье интеллигентов из старинного дворянского рода.

Его далекий предок Федор Бокий-Печихвостский, владимирский подкоморий (третейский судья) в Литве, упоминается в переписке Ивана Грозного с Андреем Курбским. Прадедом Глеба Бокия был академик Михаил Васильевич Остроградский (1801–1861), один из основателей петербургской математической школы, член Академии наук в Нью-Йорке, Туринской академии, Национальной академии в Риме, членкорреспондент Парижской АН. Уникальный ум русского Отечества! Можно даже предположить, что имен-

но гены знаменитого русского математика помогали его потомку Глебу Бокию безошибочно находить любые ключи к самым трудным и хитроумным шифровкам; ведь известно, что современные историки прицепили к Бокию ярлык, назвав «главным шифровальщиком Страны Советов».

Отец Глеба – Иван Дмитриевич Бокий – действительный статский советник, ученый и преподаватель, автор учебника «Основания химии», по которому училось не одно поколение гимназистов.

Эти скудные сведения можно обнаружить у весьма узкого круга писателей-историков, скажем, в работах А. Первушина, А. Колпакиди, А. Бушкова, Е. Парнова. О матери будущего пахана красных бандформирований в Туркестане, крестного отца ленинских ГУЛАГов, незаурядного организатора спецпроекта по уничтожению русских и других народов бывшей Российской империи в этих книгах говорится скудно или вовсе ничего нет. Оттого осталось сослаться на неоднозначные свидетельства Олега Грейга, давшего свою уникальную версию (версию ли?) и биографии Г.И. Бокия, и работы его Спецотдела в книге «Подлинная жизнь адмирала Колчака». Автор утверждает, что мать Глеба Ивановича «была еврейкой, причем одной из психопатичных натур, всецело поддерживавших народовольцев, покушавшихся на императора Александра II. Ее нередко видели на площадях обеих столиц империи, где она в истерических припадках выкрикивала в адрес проходящих людей: «Всех вас поглотит

геенна огненная!» Как правило, ее тут же отвозили в желтый дом; а затем, после прохождения курса лечения, муж забирал ее из больницы. Звали эту женщину Эсфирь-Юдифь Эйсмонт». И объясняет, отчего в редчайших советских источниках, где идет рассказ об этой семье, имени матери или нет вообще, или там приводится совершенно другое имя: «В переделанных документах мать Бокия получила русское имя; документы «выправляли» многим евреям, заполучившим власть в России, и они стали зваться вымышленными именами на русский лад, чтобы закрепить миф о так называемой «русской революции» в России в 1917 году».

Биограф Бокия Василий Бережков, посвятивший «революционеру, скромно уверенному в себе, сгорающему тихим, иногда почти невидимым огнем, освещающим путь в будущее» (по М. Горькому) несколько похвальных книг, между тем указывает, что мать Глеба Ивановича – Александра Кузьминична из дворянской семьи Кирпотиных. Так ли это на самом деле, нам уже не узнать. Ведь Глеб Иванович оставил немало подложных свидетельств в архивах, а иные, истинные свидетельства – касающиеся его ли семьи, или истории Российской империи и ее подданных – изъят и уничтожил. К тому же можно поерничать, ссылаясь на самый громадный виртуальный архив (но это также не служит доказательством), что из всего «великого дворянского рода» Кирпотиных при советской власти остались лишь еврей из Ковно (при Советах – Каунас) Валерий Яковлевич Кирпо-

тин (1898–1997) да его супруга, член КПСС с 1918 года, Анна Соломоновна (1899–1982), похороненные на Кунцевском кладбище, одном из старейших в Москве. Юношей Валерий Яковлевич успел поучаствовать в роли бойца на полях сражений Гражданской войны, в 1918-м вступил в КПСС, а уже в 1925 г. сумел окончить самое закрытое большевистское заведение – Институт красной профессуры, что, безусловно, открыло ему дорогу на Олимп власти – в аппарат ЦК ВКП(б), где он работал с 1932 по 1936 г., одновременно являясь секретарем Оргкомитета Союза писателей. Для справки: еще после Февральской революции организатором и первым председателем Всероссийского союза писателей был некий Мейлих Иосифович Гершензон (переименовался в Михаила Осиповича), названный БСЭ «русским историком литературы и общественной мысли», а еврейским Интернетпорталом пафосно представлен как «российский философмистик, историк и исследователь литературы и русской общественной мысли, литературовед, публицист». Найденный нами Валерий Яковлевич Кирпотин также являлся литературоведом, критиком, заслуженным деятелем наук РСФСР, профессором Литинститута, заместителем директора Института мировой литературы.

То, что процесс переименования евреев в русских действительно происходил в массовом порядке после Октябрьской революции, уже ни для кого из историков не секрет. А вот то, что товарищ Бокий мог себе сделать любую родо-

словную, «закрепив» ее в истории, – в этом нет сомнений у тех, кто хотя бы поверхностно прикоснулся к биографии этого загадочного человека.

О «еврейской составляющей» Бокия (к великому сожалению автора эту неблагоприятную тему невозможно избежать, когда речь идет о «русской революции 1917 года» и ее последствиях) указывает и выдающийся публицист, заслуженный деятель России Николай Зенькович в своей книге «Самые секретные родственники». Но обнаруживает ее с отцовской стороны; он пишет: Г.И. Бокий «Родился в семье учителя. Фамилия происходит от древнееврейского слова, означающего «сведущий человек», имела распространение среди евреев Украины».

И так как нам все равно не удастся найти достоверные, не подлежащие сомнениям сведения о родословной Бокия, признаю, что и достоверных сведений о Спецотделе также не существует, разве что отдельные разрозненные сведения, которые, применив интуицию и аналитическое мышление, можно составить в некую мозаику.

К фрагментам этой мозаики можно отнести и общеизвестные факты о революционной юности Глеба и его взаимоотношениях с родственниками. Известно, что старший брат и сестра Глеба пошли по стопам отца. Сестра Наталья, возможно, действительно окончила Бестужевские женские курсы, стала историком и не один год преподавала в Сорбонне. По окончании земной жизни была похоронена на печально

известном кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

Борис Бокий (1873–1927) окончил Петербургский горный институт, стал квалифицированным инженером, потом преподавал в этом же институте в качестве профессора. Современными историками он зачастую признается «одним из основоположников отечественного горного дела» – но это можно принять лишь с той натяжкой, что все истинно русские ученые, подданные Российской империи, были по большей части вымараны из отечественной истории и науки. Так лавры «основоположников» в годы существования Советской страны доставались совершенно другим людям, прежде входившим бы во второй или даже третий эшелон ученых. К тому же, на мой взгляд, основоположники отечественного горного дела трудились на благо Руси как минимум во времена Петра I. А вот Энциклопедический словарь, вышедший в 50-х годах XX века, признает за выдающимся ученым Борисом Ивановичем Бокием только, что он был «основоположником аналитических методов проектирования рудников, шахт и т. д., получивших развитие в трудах советских ученых»; как говорят, *почувствуйте разницу*.

В 1896 году, после окончания 1-го реального училища, юный Глеб, идя по стопам брата, поступает в Горный кадетский корпус имени Императрицы Екатерины II в Петербурге. Так сообщают нам отдельные авторы-историки. Тогда как еще в 1833 году кадетский корпус стал Институтом корпуса горных инженеров, а в 1866 году получил название Горный

институт. Этот старейший в России технический вуз был основан еще в 1773 году по указу императрицы Екатерины II как Горное училище.

Став студентом Горного института, Глеб берет на себя обязанности руководителя (головы) «Украинской петербургской громады», принимает активное участие в деятельности студенческих земляческих и революционных кружков. Придумывает создание «Малороссийской столовой», которая явилась, по сути, местом явки и большевистских встреч. Подобные столовые, как достижение советской власти, появятся в разных городах России; наибольшую иронию в описании их истинного убогого предназначения проявят классики тонкого советско-еврейского юмора, любимцы многих поколений советских граждан Ильф и Петров. А живет новоиспеченный студент недалеко от учебного заведения, на тихой 11-й линии Васильевского острова.

С 1897 года Бокий вступил в петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». В течение последующих 20 лет партийная жизнь Глеба Ивановича Бокия проходила под кличками Кузьма, Дядя, Максим Иванович; в полицейском управлении он проходил как Горняк.

К слову, причастными к горному делу России оказались многие революционеры; среди них был и некий выдающийся большевистский деятель Аркадий Коц (1872–1943) из Одессы. В 1893 году он окончил горное училище в Горловке, работал на угольных рудниках Подмосковья и Донбасса. В

1902 г. сделал вольный перевод на русский язык «Интернационала» Э. Потье, после чего и стал известен как автор русского текста коммунистического гимна. В 1906 г. он подготовил сборник своих стихов «Песни пролетариев», уничтоженный властями. Стал писать под псевдонимом А. Бронин и А. Шатов. При советской власти, во время Второй мировой, как *народное достояние* наряду со многими своими единоверцами, причастными к советской идеологии и культуре, был эвакуирован подальше от фронта, в Свердловскую область, где и отошел в мир иной в 1943-м.

В 1895 году старший Бокий окончил институт и был направлен работать в шахты Донбасса. Далее идут почти хрестоматийные, описанные многими авторами события: в 1898 году Борис, уже вернувшийся в Петербург, приглашает Глеба и Наталью принять участие в демонстрации студентов. Произошло столкновение с полицией, всех троих родственников арестовали. Их освободили по ходатайству отца, но его болезненное и чувствительное сердце не выдержало позора; спустя несколько дней Иван Дмитриевич скончался. Потрясенные этим горем, братья приняли диаметрально противоположные решения: Борис, считая себя виновником смерти отца, отошел от политики, а Глеб, наоборот, в соответствии с мстительным нравом, окончательно встал на стезю «профессионального революционера».

Глеб Бокий стал активным участником революционного процесса на стыке XIX–XX веков. В 1900 г. он – член Рос-

сийской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), а в 1901 г. был арестован на шахтах Криворожского общества, где работал на летней практике. Привлеченный по делу группы «Рабочее знамя», содержался под стражей с 9 августа по 25 сентября, получив наказание: был отдан под особый надзор полиции. В феврале 1902 г. снова арестован и выслан на три года в Восточную Сибирь по делу о подготовке в Санкт-Петербурге уличной демонстрации. Летом 1902 года Бокий вновь арестован в Красноярске за отказ выехать в место ссылки, а уже осенью привлечен в Иркутске за разбрасывание прокламаций на публичной лекции. По высочайшему повелению 13 сентября 1902 года, в порядке общей амнистии студентов, высланных за участие в беспорядках весны 1902 года, Г.И. Бокий был освобожден из сибирской ссылки с сохранением надзора полиции в пределах Европейской России, за исключением университетских городов, сроком до 1 июля 1903 года.

В 1904 г. бунтарь Бокий введен в состав Петербургского комитета РСДРП как организатор объединенного комитета социал-демократической фракции высших учебных заведений. Участник Революции 1905 года в России, «работал по организации боевых дружин», обучал недоумков, романтиков и прирожденных убийц грамотному обращению с оружием. В «Малороссийской столовой», которой заведовал Бокий, был устроен медицинский пункт под руководством доктора П.В. Мокиевского, куда свозились раненые рабочие.

6 апреля 1905 г. Глеб Иванович арестован по делу «Группы вооруженного восстания при Петербургской организации РСДРП». Основанием для ареста явились агентурные сведения, что квартира Бокия и «Малороссийская столовая» служат для конспиративных встреч. При обыске в столовой нашли огромное количество нелегальной литературы. Несмотря на весомые доказательства, после нескольких месяцев заключения Бокия выпустили под особый надзор полиции, а по указу от 21 октября 1905 года дело и вовсе прекратили.

Пока в 1906-м вновь не арестовали по делу «Сорока четырех» (Петербургского комитета и боевых дружин). Судебный процесс «Сорока четырех» состоялся через год в Особом присутствии Петербургской судебной палаты. Бокий был приговорен к двум с половиной годам «за участие в сообществе, которое ставит своей целью установление в России социалистического строя». Однако так ненавистный большевикам царский режим и на этот раз счел целесообразным... не наказывать закоренелого бандита, а освободить до суда под залог в надежде на исправление. Преступная толерантность русского благородства! Залог за осужденного в размере 3000 рублей внес вездесущий Мокиевский – доктор, медиум, прорицатель, к личности которого мы скоро вернемся.

В благодарность «проклятому царизму» и его пенитенциарной системе – в январе 1907 года Глеб Иванович стал работать в социал-демократической военной организации, яв-

ляясь партийным руководителем Охтинского и Пороховского районов. При провале военной организации Бокий бежал, но был арестован в июле 1907 года в Полтавской губернии и отправлен в крепость в Полтаве для отбытия срока наказания.

За обилием дат и сухих терминов, к которым приходится обращаться, скрываются весьма примечательные факты деятельности нашего героя.

С 1912 года Бокий участвует в работе по изданию большевистской газеты «Правда»; перед Первой мировой войной становится секретарем Петербургского партийного комитета. В апреле 1914-го его должны были в очередной раз арестовать по делу о типографии Петербургского комитета, помещавшейся в Горном институте, но он успел скрыться. В апреле 1915 года ему уже дважды пришлось скрываться от ареста из-за провала городского партийного комитета.

Г.И. Бокий, годами осваивая тайное искусство революции, обучался в закрытых большевистских школах и центрах, постигая науку беспощадного террора против русских и других подданных империи. Всего большевик Бокий 12 раз подвергался арестам, провел полтора года в одиночной камере, два с половиной года – в сибирской ссылке, от побоев и ссылок получил травматический туберкулез. Но каждый раз, оказавшись на свободе, с дьявольской энергией вновь включался в революционную борьбу. Едва ли не на протяжении 20 лет (с конца XIX века по 1917 год) Бокий являл-

ся одним из руководителей петербургского большевистского подполья.

Известно, что в июле 1905 года, после одного из своих арестов, закончившегося по приговору суда ссылкой, Бокий женился на Софье Александровне Доллер (? — 1939; по другим сведениям, сентябрь 1942), дочери ссыльных. Отец ее, якобы француз по происхождению, рабочий завода в городе Вильно; примкнул к народовольцам, вступив в Южно-русский рабочий союз. В 1881 году был арестован, повидал тюрьму и каторгу и, в конце концов, вышел в Якутии на поселение. Где за элементарным неимением лучшей партии женился на революционерке-психопатке из еврейской семьи Шехтер. Вскоре родилась дочь Софья, но семья не сложилась из-за несчастного случая: купаясь в реке Лене, Александр Доллер утонул. Маленькой девочке Софе было суждено исколесить почти всю Восточную Сибирь, следуя за своей ненормальной мамашей из одной ссылки в другую. Вот на такой женщине с дегенеративными задатками (а впоследствии Бокий станет не только изучать, но и прекрасно разбираться в этом) и женился ссыльный Глеб, следуя законам природы и мужского естества. Брак распадется в начале 20-х годов, когда женщина сбежит от всевластного Бокия к его же товарищу И.М. Москвину. К тому времени Глеб Иванович уже будет законным отцом двух дочерей, Елены и Оксаны, которым придется носить отчество их отчима, судьбы Елены Ивановны и Оксаны Ивановны сложатся весьма тра-

гично. Но закономерно, по закону бумеранга: *какую власть будут насаждать их родители, от такой власти и пострадают их дети.* Обе дочери пройдут гулагы – концентрационные лагеря смерти в стране Советов станут изобретением «гениального мозга великого вождя народов» В.И. Ленина и активного их организатора Г.И. Бокия. Любимая дочь Бокия Елена вернется из мест отсидки, чтобы вскоре умереть, а вот ее сестра Оксана умрет в пересыльном пункте.

Можно еще упомянуть, как, находясь в Полтавской крепости под строгим заключением, Глеб Иванович выпрашивал у своего адвоката А.С. Зарудного (между прочим, запомним, масона ордена «Великого Востока»), законно ли наведение кандалов и наручников на отправляемого по этапу. Лишенный свиданий, Бокий во время пребывания в крепости мог получать в посылках лишь чай да сахар, в одном из писем своей жене он неподдельно возмущался: «...сидеть здесь неважно... режим здесь бессмысленно-дикий». И, глубоко осмыслив «дикий» режим царских тюрем, Глеб Иванович поспособствует созданию идеальных условий для медленного умирания в условиях издевательского властвования над плотью при максимальном использовании рабского труда любого советского зэка. Именно с такими идеальными условиями советских концлагерей и придется познакомиться его жене и двум дочерям.

Добавлю, исходя из воспоминаний зятя Бокия Льва Эмануиловича Разгона, женатого первым браком на Оксане,

что услужливая веселушка Софья Москвина (Бокий) любила принимать у себя в гостях заместителя своего супруга Москвина товарища Н.И. Ежова, от сочувствия его патологической худобе и уродству приговаривая: «Воробушек, ешьте. Вам надо больше есть, воробушек». Пройдет немного времени, и опытную революционерку вместе с мужем придут арестовать по ордеру, подписанному злобным «воробушком».

Но все это осуществится позже, а пока, в преддверии большевистской революции, в России происходили свои перемены в судьбах и деятельности готовивших кровавый переворот.

В декабре 1916 года Г.И. Бокий вошел в состав Русского бюро ЦК РСДРП(б) (где этнических русских можно было сосчитать по пальцам – см. книги О. Платонова, Г. Климова и др.). В 1917 году он – делегат 7-й (Апрельской) Всероссийской конференции и 6-го съезда РСДРП(б). С апреля 1917 года по март 1918 года – секретарь Петроградского комитета РСДРП(б). Сразу после падения самодержавия возглавил в Русском бюро срочно созданный отдел сношений с провинцией.

В октябре 1917-го он – член Петербургского военно-революционного комитета, один из руководителей вооруженного восстания.

В феврале – марте 1918 года, в период наступления немецких войск, Бокий становится членом Комитета революционной обороны Петрограда. С марта – занимает пост

заместителя председателя Петроградской ЧК, а после убийства Моисея Урицкого становится председателем, на какое-то время получив практически безграничную власть.

Затем Глеб Иванович Бокий возглавлял Особые отделы Восточного и Туркестанского фронтов, был членом Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР и полномочным представителем ВЧК. Но к этому удивительному периоду в его жизни вернемся чуть позже.

На каком-то этапе революционной борьбы Бокий стал ближайшим помощником уродца в человеческом облике, пламенного большевика Карла Радека (наст. Собельсон; 1885–1939). Этот сын учителя (по другим сведениям, его родители содержали публичный дом в Польше) и адепт марксизма вступил в РСДРП в 1903 году; активно распространял богоборческие идеи потомка раввинов Карла Маркса (наст. Мордехай Леви) в Польше, Литве, Швейцарии и Германии. В годы Первой мировой войны сблизился с В.И. Лениным. После Февральской революции 1917 г. – член Заграничного представительства РСДРП в Стокгольме, один из главных связных между руководством большевистской партии и германским Генштабом, лично причастен к организации переезда Ленина и его соратников в Россию через Германию в plombированном вагоне.

О незаурядных задатках Бокия Радек доложил своему товарищу Владимиру Ильичу, а тот, присмотревшись к молодому человеку, приблизил его к себе. На протяжении всех

лет общения Глеб Бокий называл «вождя мирового пролетариата» не иначе как Ульянов-Бланк или просто Бланк, по фамилии матери Ленина. Уже тогда поняв, что происходит в Российской империи и какие цели ставятся мировой закулисой перед «русскими революционерами», смысленный Глеб Иванович предпринял попытки обезопасить себя в будущем и одновременно заполучить сильнейшее оружие шантажа – он стал собирать документы, могущие являться компроматом на любого, чье имя проставлено в них. В годы, когда Г.И. Бокий возглавил Спецотдел, упрятанные им революционные архивы только укрепляли его реальную власть в стране, захваченной красными беспредельщиками.

Глава 2

александр Зарудный: «Главный цадик среди страстотерпцев»

«Засилья еврейского я не боюсь, и вы его не бойтесь. Есть оно или нет, для меня это безразлично, если оно есть – это момент преходящий. Чего не вынесла наша Русь: и татарское иго, и крепостное право!.. Все рассеялось; жить можно».

Речь Н.П. Карабчевского² в защиту Бейлиса; 1913 г.

*Мир утомлен и жаждет обновления.
Душа полна таинственных тревог,
Все испытал – и веру, и сомненье.
Ей нужен вновь или кумир, иль Бог.*

Н. Карабчевский, Раздумье, 1905 г.

Несмотря на то что в последние годы интерес к фигуре Глеба Ивановича Бокия только растет, историки так и не пришли к единому мнению относительно его скрытых способностей и пристрастий. Одни считают этого челове-

² Карабчевский Николай Платонович (1851–1925) – выдающийся адвокат конца XIX – начала XX в., успешно защищавший большевиков на судебных процессах.

ка adeptом тайных знаний, обладающим паранормальными способностями, тогда как другие утверждают, что увлечение мистикой и оккультизмом было приписано Бокию следователями НКВД при подготовке материалов уголовного дела об антиправительственной организации «Единое Трудовое Братство».

Однако ни один из авторов не упускает возможность указать, что Г.И. Бокий в годы своей революционной практики увлекается загадочными восточными учениями, оккультными науками и мистикой. История свидетельствует, что всегда в беспокойные годы, предвещающие бурные политические перемены, начинали активизироваться маги, прорицатели, оккультисты и представители всевозможных тайных обществ. Вовлекая в борьбу материальных сил и тонкие невидимые начала Добра и Зла. В годы перед так называемой Великой Октябрьской революцией в высшем обществе появилась мода на изучение всего тайного, мистического, в савановные дома приглашались на спиритические сеансы всевозможные западные знаменитости. Тогда же в империи весьма активизировались масонские ложи, вовлекшиеся в борьбу за новое общество «свободы, равенства, братства», – согласно древнему масонскому слогану, взятому на вооружение большевиками.

Указывая на предполагаемую связь юного Г.И. Бокия с масонами, историки упоминают лишь П.В. Мокиевского, который не единожды выручал оголтелого революционера от

неприятностей. Павел Васильевич Мокиевский (1856–1927) одно время работал заведующим отделом философии научно-публицистического журнала «Русское богатство», писал статьи под псевдонимом П. М., однако, несмотря на литературные труды, не удостоился чести войти ни в одну советскую энциклопедию. Среди его статей много довольно интересных; к примеру: «Эволюционная патология» (1892, две статьи о Мечникове), «Вундт о гипнотизме и внушении» (1893), «Монистическая философия Эрнста Геккеля» (1906), «Философия Анри Бергсона» (1909), «К характеристике современных философских течений» (1908), «Смерть и Логос» (1913), две последние – о борьбе с новейшими русскими религиозно-философскими течениями. А еще в 1884 году из-под его пера вышла книга «Ценность жизни».

Биографические сведения о Мокиевском скупы и разноречивы. Наверняка соответствует истине, что этот человек был по профессии врачом, а заодно гипнотизером, увлекшимся теософией.

При каких обстоятельствах он познакомился с молодым человеком, младше его на 23 года, и в чем совпадали их интересы – об этом можно только предполагать. Конечно, вначале Павлу Васильевичу Глеб Бокий был представлен его товарищем, учащимся вместе с ним в Горном институте. Но ради чего Мокиевский поддерживал длительные отношения с Бокием и почему внес за попавшего под судебное разби-

рательство студента-недоучку весомую сумму в 3000 рублей? Напомню: произошло это, когда полиция в который раз арестовала Глеба Бокия, создавшего под прикрытием бесплатной столовой для учащихся Горного института большевистскую явку. Мокиевский внес залог, и молодого революционера выпустили на свободу до суда, который состоялся только через год, в декабре 1906-го. Тогда Бокия приговорили к двум с половиной годам заключения в крепости, но... оставили на свободе из-за болезни, предоставив возможность пройти курс лечения; вместо этого Глеб, равнодушно относящийся к своему физическому и психическому здоровью, по-прежнему занимается подрывной революционной деятельностью – руководит парторганизацией на Охте и Пороховых, занимается военной составляющей движения РСДРП.

Для оккультиста и мартиниста бунтарь Бокий мог быть интересен по двум причинам: оба увлекались эзотерикой и тайными проявлениями неведомых сил, оба преследовали единые цели. Цель Бокия: пропагандой и террором приблизить смену государственного строя; цель Мокиевского: борьба на невидимом фронте за те же идеалы смены эпох и смены сознания. И потому Мокиевский, как член масонской ложи мартинистов, в ином свете воспринимается рядом с фигурой молодого революционера. Которого, как утверждают отдельные авторы, ему удалось рекомендовать в ряды своей закрытой организации. Бокий стал членом мартинистской

ложи в 1909 году. А попав в ряды вольных каменщиков, он мог только продвигаться в рамках «великого посвящения».

Предполагают также, что именно Мокиевский познакомил Бокия с Барченко и Рерихом; добавляя, что впоследствии теософ-масон давал рекомендацию о вступлении в ряды ложи ученому Барченко, к тому времени работавшему в проектах, разрабатываемых в Спецотделе Бокия.

Нельзя забывать и о такой фигуре, сыгравшей немаловажную роль в становлении будущего начальника Спецотдела, как А.С. Зарудный, который, вполне вероятно, и стал связующим звеном между его подопечным по судебным делам Глебом Бокием и товарищем по масонскому цеху Мокиевским. Адвокат Александр Сергеевич Зарудный (1863–1934) происходил из семьи тайного советника, одного из разработчиков судебной реформы 1864 года, сенатора Сергея Ивановича Зарудного (1821–1887). Среди семерых детей в семье этого государственного деятеля воспитывался и сын Сергей, ставший преступником: в 1887 г. он был выслан в Сибирь на три года по делу о покушении террористической фракции партии «Народная воля» под руководством А.И. Ульянова и П.Я. Шевырева на императора Александра III 1 марта 1887 года. Небезынтересный факт, что вместе со старшим братом Ленина Александром Ульяновым на судебном процессе о покушении на Александра III фигурировали будущий президент Польши Пилсудский и его брат.

Спустя время племянник Зарудного (тоже Александр

Сергеевич) будет предан военному суду за участие в революции 1905 года. Как в благородных семьях вырастают ублюдки – тема совершенно неисследованная...

Вместе с младшим братом Сергеем тогда же, в апреле 1887-го, по делу о покушении на Александра III был арестован и помощник секретаря Петербургского окружного суда, всего два года назад окончивший Училище правоведения, Александр Зарудный. При обыске у него была найдена нелегальная литература. Неделью он провел в доме предварительного заключения, затем освобожден из-за недостатка улик. В результате ему было вменено в наказание пребывание под стражей, что никоим образом не сказалось на карьере. В наше время это выглядело бы более чем странно, но в годы существования сверхдемократичного государства Российской империи являлось нормой.

В 1887–1888 годах Александр пребывал за границей, «находился в заграничном отпуске», запишут в его биографии. Именно тогда 24-летний потомственный юрист впитал в себя настойчиво распространяемый в Европе яд русофобии, ненависти к царизму и презрения к родному Отечеству. Вполне вероятно, тогда же он был принят в ряды масонов «Великого Востока Франции» или другой, более мелкой ложи. Из позднейшего времени остались свидетельства генерального секретаря (чувствуете знакомую стилистику) масонской ложи «Астрея» в советском Ленинграде Бориса Викторовича Астромова-Кириченко, который на допросе в

ГПУ показал: «...из одиночек масонов Великого Востока Франции мне известен Зарудный А.С.». Авторитетный автор книги «Люди и ложи. Русские масоны XX столетия» Нина Берберова также утверждает, что в переписке масона Керенского (с 1912 г. состоял в «Малой Медведице») подтверждаются сведения о причастности Зарудного к тайной ложе. И Керенский, и Зарудный не могли идти против интересов невидимых, но всегда присутствующих «братьев». Керенский, как известно, предал интересы императора и Российской империи из-за связи с масонами Франции и Англии и масонской губительной клятвы, данной им тайным хозяевам. Зарудный, по всей видимости, вынужден был поступать так же. А иначе для человека здравомыслящего вовсе не понятным становится настойчивость, с которой правозащитник обелял матерых бандитов, убийц и закоренелых преступников из большевистских рядов, делая на этом себе имя.

С 1902-го Александр Зарудный занимает должность присяжного поверенного Петербургской судебной палаты, принадлежа к так называемой «молодой адвокатуре», занимавшейся политической защитой в разных городах России и оппозиционно настроенной по отношению к царскому режиму. Популярная интернет-энциклопедия Википедия добавляет: «Участвовал в защите обвиняемых по таким громким делам как процессы якутских ссыльнопоселенцев (1904; «романовское дело» – о вооруженном протесте против действий администрации), Боевой организации эсеров (1905), лейтенанта

П.П. Шмидта и других участников восстания на Черноморском флоте (1906), Петербургского совета рабочих депутатов (1906), о подготовке покушения на Николая II (1907). Кроме того, участвовал в «литературных процессах», защищая писателей, издателей, журналистов, привлекавшихся к ответственности за критику существовавших порядков. Во время «романовского дела» доказывал законность неповиновения незаконным действиям властей, рассматривая такой протест как необходимую оборону. В своей защитительной речи фактически солидаризировался со своими подзащитными».

Итак, в послужном списке Зарудного едва ли не самые громкие политические дела. Чего стоит тот же процесс о «военном мятеже» осенью 1905 года на крейсере «Очаков» с целью «ниспровержения существующего строя». Или процесс над революционерами-террористами, готовившими убийство главы государства, императора Николая II. Или хотя бы процесс якутских ссыльнопоселенцев, который современными историками мало упоминается. Чтобы хоть как-то приоткрыть завесу тех якутских событий, которые могут связать и адвоката Зарудного, и его подопечного Бокия, явно интересующегося не только богатствами Русского Севера, но и магическими тайнами северных территорий, нам придется познакомиться с В.В. Никифоровым.

Общественного и политического деятеля Василия Васильевича Никифорова (1866–1928) принято считать зачина-

телем якутской художественной печатной литературы, первым якутским драматургом, публицистом, издателем, ученым. Его отец – уроженец Немюгинского наслега Западно-Кангаласского улуса, несмотря на то что происходил из простой работающей семьи, окончил церковно-приходскую школу и Якутское уездное училище, в 1844 году был назначен письмоводителем в Дюпсинский улус. Это все – как дополнение к большевистским сказкам о забитой и неграмотной царской России. Тогда как на деле: тот, кто хотел получить образование, даже бедный житель самых далеких окраин, и в начале XIX века мог овладеть знаниями в учебных заведениях империи. (Более подробно см., к примеру, книгу О. Грейг «Красная фурия, или Как Надежда Крупская отомстила обидчикам».)

Стремясь дать своим восьмерым детям образование, отец будущего зачинателя якутской национальной литературы открыл у себя школу для мальчиков, где преподавал ссыльный духовного звания. Благодаря новоиспеченному учителю отец увлекался богословием, но, обуреваемый страстями богоборческого познания, разрушающими его внутреннюю устою, пристрастился к выпивке. Его сына Василия к пагубному свободомыслию, направленному на свержение вековых устоев, приучили другие доброжелатели из того же племени ссыльных. 8-летнего мальчика быстро прибрали к рукам «каракозовцы»: Н.П. Странден, Д.А. Юрасов и П.Д. Ермолов, причем первый проживал в доме писаря Охлопко-

ва, где после смерти отца воспитывался Василий Никифоров. Напомню, что террорист Каракозов был организатором покушения на императора Александра II, арестован в 1866 году, но... освобожден. Именно Странден обучил мальчика русской грамоте, а через год отправил в Якутск поступать в Якутскую прогимназию, пристроив жить к своей близкой знакомой.

Позже юноша сближается со ссыльными народовольцами, другими товарищами, и определенно, выполняет их поручения. Это ему, издателю и ученому, бывшему участнику Первого съезда инородцев, причастному к созданию большевистского детища – так называемого «Союза инородцев-якутов», в 1926 г. писала М.С. Зеликман: «Вы меня, вероятно, еще не забыли, я тоже была в Якутской области, жила вместе с Л.В. Ергинной у Говоровых и привлекалась по делу Якутского восстания в доме якута Романова в 1904 г. – помните?».

Она же, бывшая обвиняемая по якутскому делу «русская революционерка» Мария Зеликман, много лет спустя, 13 декабря 1934 г., на вечере памяти адвоката Зарудного во Всесоюзном обществе политкаторжан и ссыльнопоселенцев вспоминала: «Александр Сергеевич превзошел все наши ожидания!»

На этом самом упомянутом съезде в августе 1905 года, инициированном ссыльными, решившими «упорядочить» жизнь местного населения, в качестве почетно-приглашенных присутствовали два адвоката, только что закончивших

по приказу ЦК РСДРП защиту на суде обвиненных в вооруженном восстании ссыльных («романовцев»), – Александр Зарудный и некий Владимир Бернштам. Заседание было целиком посвящено вопросу о положении ссылки, о разбое уголовных поселенцев, о разорительности содержания ссыльных «полуголодными якутами», о тяготах «навязываемого надзора» за политическими ссыльными. Бернштам и Зарудный объяснили участникам съезда причины «романовского протеста» (когда революционеры, забаррикадировавшись в доме якута Романова, умудрились оказать вооруженное сопротивление полиции и солдатам). После чего собрание торжественно постановило «ходатайствовать перед правительством об отмене ссылки в Якутскую область». В заключение приглашенные адвокаты были вместе с участниками съезда засняты на карточку ссыльным фотографом В. Приютовым. Известно, что в 1908 г. Бернштам в одном из издательств Санкт-Петербурга выпустил книгу с характерным названием «Около политических».

По окончании заседания съезда, во все улусы были направлены агитаторы для пропаганды идей Союза и агитации за неплатеж податей и неповиновение начальству и прекращение с ними всяких сношений.

Причиной, по которой в далекую Якутию был вызван адвокат А.С. Зарудный, стало следствие по обвинению в преднамеренном убийстве ссыльным большевиком М. Минским конвойного офицера. Судебному процессу над убий-

цей местная большевистская фракция ссыльных придавала большое политическое значение. Даже линию поведения на суде специально для подсудимого вырабатывали большевики Н.Л. Мещеряков, И.И. Радченко и другие. А вот названный нами якутский классик Василий Никифоров даже предложил им свои услуги для защиты Минского, – временно, до присылки ЦК РСДРП специального адвоката. И центр не замедлил исполнить желаемое: высокооплачиваемый столичный адвокат – масон и ближайший друг красных товарищей – Зарудный явился, презрев препятствия трудного и далекого пути.

В 1921 году его подопечный М. Минский напишет воспоминания «Драма на Лене», вошедшие в сборник «В Якутской неволе».

И, завершая краткое знакомство с якутским деятелем, укажем еще, что в смутное революционное время ему довелось сотрудничать с А.В. Колчаком, когда Верховный правитель занял Сибирь. Причем Никифоров познакомился с Александром Васильевичем лично в период его трехкратного пребывания в Якутии еще до революции. В июле того же года Василий Васильевич участвует в созванном Колчаком Государственном экономическом совещании. Известно, что в записке на имя Колчака он просил «подтвердить, что будет созвано Учредительное собрание и будет соблюдаться закономерность управления, что Совет Министров будет органом, внутренне солидарным с определенной демократи-

ческой программой, что Государственное совещание будет преобразовано в орган, ведущий всю законодательную работу, с правом контроля и запросом министров».

Когда же 15 декабря 1919 г. в Якутске была установлена советская власть, приказом военно-революционного штаба В.В. Никифоров был арестован и выслан в Иркутскую область, где ему несказанно повезло: старый большевик, сделавшийся чекистом и комиссаром, Самуил Гдальевич Чудновский его амнистировал за прежние заслуги перед партией. По его рекомендации Никифоров был направлен на работу в Якутский подотдел Сибирского отдела Народного комиссариата национальностей в Новосибирске (Сибнац).

Однако в сентябре 1927 года Никифорова арестовали и 21 августа 1928 года особым совещанием Коллегии ОГПУ приговорили к высшей мере наказания с заменой заключением в концлагерь сроком на 10 лет. Пора, когда ссыльные писали прошения на высочайшее имя с указанием «о тяготах «навязываемого надзора» за политическими ссыльными» и просьбой не ссылать заключенных в Якутию, прошла, *навсегда канув в Лету истории.*

Но и закомплексованный коротышка, сынок бедного еврейского сапожника из Киева Шмуль Чудновский, возжелавший без суда и следствия убивать несчастных сибиряков, сам попал под сталинский молох в 1937-м. В 1939 году бывшего председателя Иркутской губернской ЧК Чудновского, который, согласно указанию Ульянова-Бланка, в 1920 году руко-

водил расстрелом великого русского адмирала А.В. Колчака, покарала *справедливая большевистская пуля* сотоварищей. Его подельник Борис Блатлиндер успел исправить документы и, став украинцем Иваном Бурсаком, благополучно избежал кары, написав в начале 70-х годов книгу воспоминаний о казни Колчака. Несмотря на множество нестыковок, единая версия о гибели адмирала так и осталась в истории. (О причастности Г.И. Бокия к исчезновению Колчака с места расстрела и о взаимоотношениях этих двух выдающихся личностей см. неоднозначную книгу Олега Грейга «Подлинная судьба адмирала Колчака».)

Но вернемся к человеку, чей голос был подчас решающим в судьбах революционеров типа Чудновского или кровавых палачей рангом повыше, скажем, того же Лейбы Бронштейна (псевдоним Троцкий). Не зря А.С. Зарудный получил громкую известность как защитник на политических процессах.

Во время процесса по делу первого в России Петербургского совета рабочих депутатов, где именно Зарудный был главным защитником, один из главных обвиняемых по этому делу Л.Д. Бронштейн, в словах адвоката предстающий вполне «невиннейшим созданием», почти что Робин Гудом, сказал о своем защитнике по окончании процесса: «Революция отразилась в нем, как солнце в грязной луже полицейского двора». Может, спешит воскликнуть современная думающая молодежь, не защити бы он тогда этого «философствующего» Бронштейна, не было бы тех ужасов, который натво-

рил последний со своей бандитской кликой в России спустя одиннадцать лет?!

Вторя успешно защищенному единокровнику, адвокат Израэль Иосифович Грузенберг (ставший Оскаром Осиповичем) восхищался работой коллеги: «Словно «каре́та скорой помощи», носился он по слякоти и бездорожью политической юстиции».

А после еще одного выигранного скандального процесса, Бейлиса, рейтинг масона от юриспруденции Зарудного еще более возрос. Как известно, дело Бейлиса – это процесс по обвинению еврея Менахема Менделя Бейлиса (1874–1934) в ритуальном убийстве 12-летнего ученика подготовительного класса Киево-Софийского духовного училища Андрея Ющинского 12 марта 1911 года. На трупе мальчика было обнаружено 47 колотых ран (13 из которых на виске и темени), в результате которых он истек кровью и умер. В ходе следствия (продолжалось более двух лет) было выявлено, что трое детей, игравших в день исчезновения Андрея на территории кирпичного завода Зайцевых, видели, как приказчик этого завода Мендель Бейлис схватил мальчишку за руку и куда-то потащил. Двое из этих детей не дожили до суда, умерев, предположительно, от отравления. Но 12-летняя Людмила Чеберяк дала на суде показания, изобличающие Бейлиса в причастности его к исчезновению Андрея Ющинского. Тем не менее следствию якобы не удалось найти достаточно доказательств виновности Бейлиса; оправданный (го-

лоса «за» и «против» разделятся поровну), он вскоре после освобождения выехал с семьей в Эрец-Исраэль, а в 1920 г. переехал в США.

Присяжные заседатели оправдали Бейлиса, но признали, что труп был обескровлен, тем самым поддержав версию возможного ритуального убийства.

Адвокат Зарудный, ведущий главную партию защиты, заслужил от своего компаньона по защите Карабчевского многозначительный подарок – большую Библию с надписью: «Главному цадику среди страстотерпцев Бейлисова процесса Александру Сергеевичу Зарудному от душевно преданного Н. Карабчевского. 27 октября 1913 г.»

Николай Платонович Карабчевский уже давно слыл звездой в русской адвокатуре; среди его дел были и другие «ритуальные» дела; к примеру дело мултанских вотяков (1894–1896), по которому жители села Старый Мултан во главе с Моисеем Дмитриевым обвинялись в убийстве крестьянина деревни завода Ныртов Казанской губернии удмурта Матюнина с целью приношения в жертву языческим богам. Особо хлопотал о том процессе писатель Короленко; итогом стал оправдательный приговор для всех подозреваемых.

В деле Бейлиса несчастного заводского приказчика защищал не один адвокат, а сразу несколько, причем все они имели большой вес в тогдашнем обществе: О. Грузенберг, Д. Григорович-Барский, Н. Карабчевский, В. Маклаков и А. Зарудный.

Это из-за таких вот «цадииков» крепили и мужали в вооруженной «борьбе с царизмом» сотни и тысячи бандитов и убийц, гордо именовавших себя русскими революционерами. А потом, после захвата власти их подзащитными, «невиннейшими людишками», многим из «цадииков» пришлось буквально бежать с насиженных кресел судов разоряемого и разграбляемого Отечества.

Упомянутый здесь коллега Зарудного Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957) умер в Швейцарии. Он слыл не только искусным адвокатом, но и видным деятелем российского масонства; вступил в парижскую ложу «Масонский авангард» в 1905 г. Тогда же стал известен благодаря защите на судебном процессе известного большевика Н.Э. Баумана, соратника Ленина и распространителя подрывной большевистской газеты «Искра». Впоследствии состоял в некоторых российских ложах, а в 1908 г. был возведен в Париже в 18-ю степень. За успешную защиту Бейлиса В.А. Маклаков получил послание духовного правления Главной хоральной синагоги в Ростове-на-Дону, где пафосно говорилось: «Дело Бейлиса, которое Вы так геройски защищали, это дело всего мыслящего человечества».

Адвокат, сенатор при Временном правительстве и масон ложи «Великого Востока Франции» Израэль Иосифович (он же Оскар Осипович) Грузенберг (1866–1940) в 1920 г. покинул Россию, искал покоя во Франции и умер в Ницце.

Николай Платонович Карабчевский, оказавшись за пре-

делами Родины, вдруг стал публиковать сведения об «очень внушительном участии евреев в большевистской власти» и о «еврейской революции 1917 года». Несмотря на то, что, блестяще выступая на процессе Бейлиса, бравировал: «Засилья еврейского я не боюсь, и вы его не бойтесь. Есть оно или нет, для меня это безразлично, если оно есть – это момент преходящий. Чего не вынесла наша Русь: и татарское иго, и крепостное право!.. Все рассеялось, жить можно». Но жить в родном Отечестве, захваченном его подзащитными-большевиками, он отчего-то не захотел...

А ведь еще на заре своей юности, будучи студентом юридического факультета, он сам активно участвовал в студенческих «беспорядках», отчего служебный путь по линии Министерства юстиции для него был заказан. Но неблагонадежность Карабчевского совершенно не мешала ему вступить в адвокатуру как в учреждение самоуправляющееся. Он сделался учеником сына еврейского миллионера, юриста Евгения Утина, – родного брата основателя и руководителя так называемой Русской секции I Интернационала Н.И. Утина, близкого друга Ленина, огромные средства вкладывавшего в «русскую революцию», содержавшего заграничные партийные школы, закупавшего и ввозившего оружие, подрывную литературу. Благодаря учителю Карабчевский вскоре научился вытаскивать *сухим из воды* любого убийцу, – о чем сам же хвастался, скажем, пребывая в Ясной Поляне у Л.Н. Толстого (чему остались свидетельства).

Николай Платонович был знаменит еще в 80-е годы XIX века, но и в начале XX века оставался звездой первой величины, «Самсоном русской адвокатуры». Под воздействием искусной защиты Карабчевского осужденному в 1904 г. на смертную казнь террористу-революционеру Г.А. Гершуни (1870–1908) виселица была заменена каторгой. К слову, Электронная еврейская энциклопедия подает одного из создателей и руководителей партии социалистов-революционеров (эсеров) Григория Андреевича Гершуни (1870–1908) как очередного «русского революционера», не забыв указать его настоящее имя – Херш Ицхак. Этот «русский» был страстным сторонником террора; он создал боевую организацию партии социалистов-революционеров. Первый террористический акт этих «патриотов» был совершен 2 апреля 1902 года, когда С. Балмашов двумя выстрелами из револьвера в Петербурге убил министра внутренних дел Д. Сипягина. А уже 5 апреля во время похорон сам Гершуни планировал организовать террористические акты против обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева и петербургского генерал-губернатора Н. Клейгельса – истинных и великих патриотов России. К счастью, теракты не были осуществлены. Но 6 мая 1902-го члены боевой организации застрелили в Соборном парке города Уфы уфимского губернатора Н. Богдановича. А 29 июля некий Ф. Качура, состоящий в организации, стрелял в харьковском парке «Тиволи» в харьковского губернатора князя Н. Оболенского. При этом

сам бандит Гершуни сопровождал марионетку-исполнителя на место теракта. Князь Оболенский не был убит, но получил ранение.

Еврейская энциклопедия с гордостью констатирует: «Популярность Гершуни после террористических актов необыкновенно возросла. Представители власти, когда выяснили, кто является настоящим организатором волны терактов, впали в состояние паники. Министр внутренних дел В. Плеве заявил С. Зубатову, что фотокарточка Гершуни будет стоять у него на столе, пока Гершуни не арестуют. С. Зубатов очень высоко оценивал революционно-террористические способности Гершуни и называл его «художником в деле террора».

13 мая 1903 года Гершуни наконец был арестован в Киеве. Военно-окружной суд в Петербурге в феврале 1904 г. приговорил преступника к смертной казни, она была заменена пожизненным заключением, которое он отбывал первоначально в Шлиссельбургской тюрьме для «ссыльнокааторжных политических преступников», а после упразднения тюрьмы 8 января 1906 г. – в Акатуйской каторжной тюрьме в Восточной Сибири. В 1906 г. эсерами был организован побег Гершуни из тюрьмы; вдоль всего пути были организованы пункты, на которых меняли лошадей. Из Владивостока на японском судне он прибыл в Японию, а оттуда в США, где выступал на массовых митингах сторонников *русской революции* и собрал для партии 170 000 долларов. В конце концов,

его личным планам помешала болезнь; но массовое участие в подготовке и проведении так называемой русской революции его сотоварищами стало ожидаемым итогом деятельности таких, как Херш Ицхак-Гершуни и многочисленные «цадики» и масоны из числа адвокатов империи.

Известно, что адвокат Александр Сергеевич Зарудный умер в советском Ленинграде 30 ноября 1934 г., за год до этого 70-летним стариком вступив в кружок по изучению ленинизма... — то ли в силу старческого маразма, то ли окончательно признав победу над собой созидательной силы марксизма-ленинизма (что, впрочем, суть одно и то же).

В интернет-проекте Российского еврейского конгресса — Еврейском интернет-клубе, где можно найти материалы и о некоторых из вышеназванных адвокатов, совершенно случайно обнаружилась такая, на первый взгляд, не имеющая к нашему повествованию никакого отношения новость: «Восполнить пробелы в истории Холокоста. Руководитель проекта документации имен евреев, погибших в период Шоа на оккупированных территориях бывшего СССР, Борис Мафцир, призывает организовать сбор свидетельских показаний о геноциде европейского еврейства».

Благородное дело, ничего не скажешь. И в силу вложенного в подобный призыв благородства хотелось бы обратиться к русским политикам, имеющим вес в современном российском обществе, пойти по стопам еврейских товарищей и призвать *организовать наконец сбор свидетельских показа-*

ний о геноциде русских, создав при этом общественный и общедоступный Мемориал памяти.

Глава 3

Николай Рерих и Другие «вольные каменщики большевиков»

Готово мое одеянье. Сейчас я маску надену. Не удивляйся, мой друг, если маска будет страшна. Ведь это только личина. Придется нам выйти из дома. Кого мы встретим? Не знаем. К чему покажемся мы? Против свирепых щитом защищайся. Маска тебе неприятна? Она на меня не похожа? Под бровями не видны глаза? Изборозжден очень лоб? Но скоро личину мы снимем. И улыбнемся друг другу. Теперь войдем мы в толпу.
Н. Рерих. «В толпу», 1918 г.

Член мартинистской ложи врач и философ Мокиевский, рекомендовавший в свое время для принятия в ложу и Глеба Ивановича Бокия и Александра Васильевича Барченко, стал всего лишь ступенькой на лестнице тайного познания, по которой довелось идти этим людям.

Мартинизм – полагают исследователи – существовал в России еще с конца XVIII века. Оставаясь глубоко законспирированной, эта организация повсюду выискивала и подготавливала агентов влияния. В поле ее зрения попадали десятки способных людей, испытывающих тягу ко всему притягательно-таинственному.

Родоначальником мартинизма считается француз Мартинаес де Паскуалис, живший во второй половине XVIII века. Другим деятелем, внесшим немалый вклад в распространение течения, стал Клод де Сен-Мартен. Их имена дали название отдельной ветви вольных каменщиков. Постепенно орден мартинистов распространился из Лиона в главные города Франции, а затем Германии и России. Известно, что в конце XIX века председателем Верховного совета мартинистов был Энкос Жирар, носивший сделавшее его известным эзотерическое имя Папюс.

В 1895 году в Париже Папюс принял в масоны полковника Русской армии В.В. Муравьева-Амурского, занимавшего должность военного атташе Российской империи во Франции. В 1899 году новоиспеченный брат вернулся в Петербург, где основал дочернюю ложу. До 1907 года он считался генеральным делегатом ордена, пока парижские мартинисты за саботаж не лишили его права представительства. А вскоре после того Верховный совет мартинистов (и вновь прослеживается большевистско-коммунистическая иерархия) делегировал в Петербург Чеслава фон Чинского. Назвавшись учеником психиатра Шарко (который, как известно, добился успехов в лечении неврастении и эпилепсии), прибывший занялся тем, что стал активно пропагандировать спиритизм, оккультизм и теософию, подогревая интерес публики через различных магов и медиумов. Утверждают, что императорская семья благоволила к подобным проявлениям в обще-

стве, благосклонно относясь ко всевозможным мастерам по вызыванию духов, гипнотизерам, ясновидцам и прочим загадочным личностям. Не только фон Чинский, но и знаменитый варшавский спирит и медиум Ян Гузик (кого, по свидетельствам очевидцев тех лет, пригласила в Санкт-Петербург сама императрица) находили поддержку в высшем обществе.

Любопытство представляют и сведения, что фон Чинский не единожды появлялся на улице Галерной, в доме известного художника Николая Рериха (1874–1947); несмотря на молодость, хозяин дома имел высокую степень посвящения в ложе розенкрейцеров. В этом доме часто устраивались спиритические сеансы. Отец хозяина дома Константин Рерих, известный петербургский нотариус, имел крупную контору в центре столицы на Васильевском острове. Именно отец настаивал на том, чтобы по окончании гимназии Николай поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Тогда же в студенческом кругу произошло его знакомство с русским дворянином по отцу и евреем по матери Георгием (Юрием) Чичериным, ставшим впоследствии народным комиссаром иностранных дел РСФСР и СССР (с 1918 по 1930-й).

Известно, что, состоя в масонских рядах, Рерих-старший передал своему сыну уважение к вольным каменщикам. При посвящении в братство «волчонок» (т. е. сын масона) получил эзотерическое имя Фуяма. Его жена-эпилептичка Елена слыла медиумом. В минуты, предшествовавшие приступам

болезни, она слышала голоса и, по ее признаниям, общалась с духами.

Н.К. Рерих, оказавший немало услуг советской власти, и в частности товарищу Сталину, играет не последнюю роль в нашем повествовании, так как по его стопам проходили доверенные искатели таинственных знаний как из Советского Союза, так и из Третьего рейха.

Принадлежность знаменитого художника к масонам была официально раскрыта, когда в 1994 году на юбилейной выставке семьи Рерихов в Государственном музее Востока посетителям представили Крест высшего масонского посвящения Константина Рериха. Это редкий орденский знак с берилловыми лучами, в центре его располагается отшлифованный горный хрусталь, имеющий изнутри искусную гравировку – изображение святого Георгия Архистратига, поражающего змия; верхний луч заканчивается рубинами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.